

Дарья Гущина

Продавец снов

16+

Призраки осени

Дарья Гущина
Продавец снов

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Гущина Д.

Продавец снов / Д. Гущина — «ЛитРес: Самиздат»,
2016 — (Призраки осени)

На осенней ярмарке Юстина встречает странного человечка – продавца снов. Показывая флаконы с сияющим зельем, он обещает невероятное: выпьешь – и сможешь встретиться во сне с тем, с кем развела судьба, или отомстить обидчикам, или... чего душа захочет. И всё, что случится во сне, сбудется наяву. А флакон с колдовским сном продавец отдает задаром – за рассказ о приснившемся и идею нового сна. Юстина радостно "покупает" флакон, сочиняет сон, а на пороге дома слышит предупреждение-предсказание от местного юродивого: не пей зелье, плохо всем будет, бесплатно – лишь сыр в мышеловке... Так кто же он такой – продавец снов? Чем торгует? И почему современная девушка Юстина сразу поверила в зелья-сны и их магию? Кто же она такая – на самом деле?

Дарья Гущина Продавец снов

...Мужик был похож на заполошенного профессора из фильма «Назад, в будущее»: всклокоченные волосы, беспокойно-безумный и вытаращенный взгляд, длинные аистовые ноги из-под заляпанного халата, тощая шея. На вид ему можно дать лет шестьдесят (слишком уставшим становился взор, когда он прикрывал глаза, слишком седые – белые, как снег – волосы), но – гладкая загорелая кожа, современные сленговые словечки, энергичные движения... Едва ли сорок, решила я про себя, плюс лет пять на погрешность.

Первая осенняя ярмарка бурлила и кипела: у разноцветных палаток, развернувшихся на дорожках центрального сквера, толпились очереди за свежей «молочкой», речной рыбой, мясом с подворий, овощами, мёдом, вареньем и – готовь сани летом и осенью! – овечьими варежками, вязаными носками и теплыми шалями. И лишь палатку мужика-«профессора» будто никто не видел – она неприкаянно зеленела в конце ряда, у кованой калитки. А на деревянном столе – прилавке светились пузырьки. Да-да, светились – в одном играла радуга, в другом искрился свет, в третьем полыхал багрянец, в четвертом загадочно клубилась тьма. Странно, что на столь таинственный ассортимент никто не обращает внимание... И интересно...

– Интересно?

Я невольно вздрогнула. Мужик смотрел на меня в упор и улыбался.

– Интересно? – повторил он басовито. – Если интересно – подходи, красавица. Расскажу, объясню, помогу.

Я, отчего-то оробев – или от того, что он заметил мое любопытство, или от внимательного и веселого взгляда, – подошла. Но спросить ничего не успела – из-за моей спины вынырнула бабулька и, оттеснив меня локтем, ринулась к прилавку.

– Ах, Фёдор Платоныч, ну наконец-то вы соизволили явиться! – упрекнула она мужика. – Я уж и-и-извелася вся без ваших-то чудо-зелий! Де ж пропадали-то, милок?

Бабулька была очень... хрестоматийной. Эдакая тургеневская девушка с пятидесятилетним стажем: сухонькая, светлый костюм в серую клетку, туфли на невысоком каблучке, тщательно завитые сиреневые кудри из-под светлой шляпки, веснушчатые руки – в жемчужных браслетах и крупных кольцах, светло-коричневый ридикюль, слишком яркий для ее возраста макияж...

– Так ими-то и занят был чрезвычайно, Антонина Петровна, – зельями, – «профессор» широко улыбнулся и поцеловал требовательно протянутую руку. – Зелья – они спешки да суеты не любят. Их сварить правильно – время нужно. Много времени... Чего отведать желаете?

Ответ бабульки выбил меня из колеи:

– Деток своих, – и она жестом фокусника выудила откуда-то надушенный кружевной платочек и, прикрыв крючковатый нос, интеллигентно шмыгнула. – Деток, милок. Да внучат. Да правнучков... Почитай лет десять родню не видала... Будь лаской, Феденька, угости старуху... – и снова тихонько шмыгнула в платок.

– Не вопрос, – продавец скрылся под прилавком, покопался шумно в сумках, и на столе перед покупательницей в ряд выстроилось три сияющих рубином бутылка. – От всей души, дражайшая Антонина Петровна. Это вам. Передавайте своим привет и наилучшие.

Бабулька зачирикала радостно, закудаhtала, благодаря, и живо смела в ридикюль зелья. И, попрощавшись, улетела. Вот ей-богу, улетела, как молодая, подобрав длинный светлый подол и зажав под мышкой тросточку (только что не оседлала ее, хотя напрашивалось...).

Я растерянно посмотрела на мужика, а тот подмигнул и громким шепотом сообщил:

– Сны это, красавица, – и кивнул на свой мерцающий товар. – Сны. Выпьешь нужное – и приснится тебе, что захочешь. Вот, смотри, это, – он поднял пузырек со светом, – добрые и

светлые сны. О любви и нежности, о доброте и ласке. А это, – темный пузырек – нехорошие сны: если обидел кто-то и отомстить ему хочешь, то примешь – и приснишься обидчику. И так отомстишь, – он резко подался ко мне, вытаращив глаза, а я отшатнулась, – что он утром не проснется!

– Но я не хочу... – пробормотала в ответ.

– Сейчас не хочешь, – «профессор» улыбнулся вкрадчиво, – а жизнь-то непредсказуемая, и мало ли... А это, – в рыжих лучах осеннего солнца сверкнула бутылочка с «кровью»: – это чтобы родню во сне увидеть. Прийти к тем, кто далеко, или к тем, кого в этом мире нет давно, – и поговорить по душам. И понять. И простить. И поплакать вместе.

– А это? – я тронула оранжевый пузырек.

– Для друзей. Повидать тех, кто дорог был, но с кем судьба развела.

А еще был зеленый – путешествия: проснуться в любой точке земного шара и всю ночь бродить по новым местам, узнавая, удивляясь. И голубой – для любви: присниться конкретному человеку, да так присниться, чтобы он влюбился, искать начал и нашел обязательно в ближайшее же время. И розовый – вот уж совпадение! – для «сбычи мечт»: чтобы проснуться в самой-самой заветной мечте и вдруг понять, что она сбывается. И синий – для познания прошлого: вернуться в тот момент, когда совершил ошибку, пережить его заново и заметить, где дров наломал, и понять, как исправить, даже спустя годы. А еще был фиолетовый – будущее подглядеть и запомнить. А еще был...

– А этот? – я кивнула на радужный пузырек.

– О, это – тайна! – снова заулыбался продавец снов. – Это, красавица, одно из многих, рулетка – или семью повидашь, или в путешествие угодишь, или любовь свою...

– Сколько? – вырвалось у меня.

– А когда ты в последний раз сон видела? – он вдруг стал серьезным, в сияющих голубых глазах заштормили серые грозы. – И когда в последний раз видела такой сон, чтобы проснуться и услышать собственное сердце – радостное ли, возбужденное ли, испуганное ли? Когда, красавица?

Я неопределенно пожала плечами и отвела взгляд. Давно. Даже не помню, когда. Очень давно – кажется, в другой жизни...

– Забирай, – «профессор» протянул мне радужный пузырек. – Я не торгую снами. Не совсем торгую то есть... – и снова заулыбался. – Торгую, да не совсем. Найдешь меня... позже. И расскажешь, что видела. У меня фантазии порой не хватает, и я иногда использую чужие образы. Это и есть плата. Берешь?

Я тоже улыбнулась, и узкий шестигранный пузырек невесомо лег в мои ладони. Пульсирующий, точно живой, греющий пальцы ускользящим осенним теплом, пахнущий почему-то имбирным пряником...

– Как я вас найду... Фёдор Платонович? – я спрятала пузырек во внутренний карман ветровки.

– Поймешь, Юстина, – продавец подмигнул, – найдешь, Юся. Найдешь.

Я не успела удивиться: меня оттерла сухоньким плечиком очередная хрестоматийная старушка в черном пальто и запела, гнусава, что-то про умершую лет сорок назад любовь и про то, «как бы повидаться-то с ним, Феденька, роденький?..». Продавец опять исчез под прилавком, а я отправилась прочь из парка. До дома – остановок пять пешком, в солнечной осени и в мечтах. В кои-то веки – в мечтах...

Пузырек приятно грел и, казалось, мурлыкал что-то – тихое, нежное. Так мама пела на ночь, поняла я неожиданно, спеша по шуршащей, пламенно-рыжей мостовой мимо зеркальных магазинных витрин. Прижала руку к внутреннему карману и услышала – эхом в ушах, в вихре мыслей: «Спи, моя малютка, сладким сном усни, спи да спи, до утра, до лучей зари, и не бойся ночи – ночь всего мудрей, спи, дочурка, дочка, засыпай скорей...» И, сердце, пропустив удар,

забилося гулко, тревожно. Мама далеко, и так же далеко детство, уютная ночь под ее пение, на ее мягком плече, с ее запахом ландышей и тихим, высоким голосом... Она не знала ни одной колыбельной или сказки – ей некогда было читать, только работа круглосуточно, пока дети маленькие, а отца нет, и она каждый раз что-то придумывала – сочиняла за минуту и слова, и мелодию, а потом пела, пела, пела, пока я не засыпала...

И, подходя к дому, я поняла, что хочу увидеть во сне. Не путешествие, не любовь, не будущее... Прошлое. Уютное, спокойное и защищенное. Где зимняя тьма пахнет блинами и расплавленным свечным воском, где мама поет, перебирая мои тогда очень длинные волосы, и ее тихий голос наполняет ночь, напитывает ее собой, разгоняя страхи...

Мое убежище – старая серая кирпичная пятиэтажка, последняя из шести домов-близнецов, со всех сторон окруженная старыми желтыми березами. Асфальт в ямах, разбитое крыльцо с провалившейся средней ступенькой и пучками желтой травы, чахлый кустик на балконе третьего этажа, ржавые качели и остатки песочницы в небольшом дворике. И, не дойдя до своего подъезда, я остановилась в нерешительности.

Под ядерно-красной осиной – рукодельная лавка: неопрятная сучковатая доска на косых бетонных блоках. И сидящий на ней такой же сучковатый и неопрятный дед – местный юридивый с первого этажа. Длиннобородый, патлатый, в вонючей старой телогрейке и безумными бельмами слепых глаз. В прошлом – Викентий Игоревич, сейчас – Викешка.

Говорят, он интеллигентом был, инженером солидным и уважаемым, пока на него донос «добрые» люди не настроили – то ли из зависти на трёхкомнатную квартиру от государства, то ли на успешную работу, то ли на красавицу-жену... Он исчез на пятнадцать лет, а потом появился, но уже слепым и невменяемым. Его страна к тому времени перестала существовать, жена ушла к другому мужчине, дети выросли да разъехались, и он коротал свой век на лавке в обществе облезлого кота, ворча и почесываясь. И я юридивого, прямо скажем, побаивалась – со дня моего приезда дед странно на меня реагировал. Как и его кот.

Вот и сейчас он высунул полосатую морду из-под телогрейки и дико зашипел. Я невольно попятилась. И Викешка поднял голову, поворачивал слепыми зенками, да как зашипит в тон коту:

– Опя-а-ать?! Яви-и-илас-с-сь! А ну, с-с-сгинь, нечисть!.. Отродье адово! От найду я на тебя управу, от погоди у меня! – и зашарил под телогрейкой судорожно, выживая потертый крестик. – Сгинь! Сгинь, пропащая! От погоди, от уйму я тебя, от... Пропади ж ты пропадом!.. – и юридивый едва не свалился с лавки, когда кот вывернулся из его рук и сиганул в подвал.

Дед кое-как встал и поковылял, ругаясь, к зияющему подвальному окну, а я живо прошмыгнула мимо и скрылась за разошедшей подъездной дверью. И перевела дух. Пронесло... Совсем спятил, ненормальный...

Облезлые стены подъезда украшала плесень, потолок шел буро-желтыми пятнами, на ступеньках – многочисленные следы, проступающие сквозь толстый слой грязи, в разбитых окнах заунывно пел ветер. И, соответственно, запах. Дом, построенный в пятидесятых годах прошлого века, ни разу толком не ремонтировался, и в подвалах давно прорвало трубы, и крыша текла нещадно. И жить было почти невозможно. Почти. По одним сведениям, дом таки вошел в программу капремонта, а по другим – шиш туда войдет, потому что место находится в центре города, и землю тихой сапой давно продали под будущий мега-молл. И теперь выживали последних жильцов. Только шиш им, да.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.